

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XXI ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1987
Часть II

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1987

А. М. Куликова

ВОСТОКОВЕД А. Н. ГУСЕВ (1810–1835)

23 мая 1835 г., за два дня до окончания срока научной командировки, в Каире умер от чумы молодой талантливый ученый А. Н. Гусев. В литературе о нем сохранилось очень мало известий.¹ Сравнительный анализ обнаруженных архивных материалов дал новые сведения, которые позволили более подробно и верно осветить его короткую деятельность.

Александр Николаевич Гусев родился в 1810 г. в семье губернского секретаря. Во время обучения в петербургской гимназии он был одним из лучших учеников и выделялся успехами в русской словесности, латинском и греческом языках.²

Востоковедное образование А. Н. Гусев получил в разряде восточной словесности Петербургского университета. За три года учебы здесь (1829–1832 гг.) он изучил три восточных языка: арабский и турецкий – под руководством профессора О. И. Сенковского (1800–1858), персидский – под руководством М. Д. Топчибаева (1790–1869).³ Успешно справляясь с программой, он в свободные от лекций часы делал самостоятельные переводы. С персидского он перевел "Гюлистан" Саади. С арабского – повести из "Тысяча и одной ночи". Последнюю работу известный арабист И. Ю. Крачковский считал "едва ли не первым у нас упоминанием о попытке перевода "1101 ночи" с подлинника".⁴

Уровень полученных А. Н. Гусевым в университете востоковедных знаний был столь высок, что, судя по сохранившимся в архивах официальным документам, его приравнивали к выпускникам Профессорского института. Во всяком случае сразу после выпуска, в 1832 г., по "представлению" Ф. Ф. Шармуа (1793–1868) Министерство народного просвещения /МНП/ приняло решение отправить его в заграничную командировку, которая обычно была последним этапом подготовки будущих профессоров. 9 января 1832 г. министр народного просвещения в 1828–1833 гг. К. А. Ливен представил императору Николаю I доклад о том, что А. Н. Гусев "выдержал испытание" и предназначен для трехгодичной поездки на Восток "за счет государственного казначейства". "Высочайшие указы" о выделении 1000 р. на его "содержание" в период командировки и "на прогонные деньги" последовали

21 января и 6 февраля 1832 г.⁵ Эта сумма, "считая рубль в 250 нидерландских ценсов", была выделена Министерством финансов 22 марта. Через два дня А.Н.Гусеву выдали заграничный паспорт № 632 и деньги на дорогу: "на прогонные до Одессы 397 р. 74 к. ассигнациями и медью и на проезд в Константинополь - 125 червонных".⁶

Вместе с А.Н.Гусевым ехал выпускник Профессорского института (1832 г.) Антон Осипович Мухлинский (1808-1877). Оба они "прикомандировывались к Царьградской миссии". Их отъезд из Петербурга состоялся около 19 апреля, а в конце мая 1832 г. они прибыли в Турцию. Российский посланник в Константинополе А.П.Бутенев поручил молодых людей "непосредственному попечению драгоманов нашей миссии". Здесь они находились до марта 1834 г., то есть почти два года. Это был период интенсивных занятий турецким языком, изучения источников, "практического общения" с местными жителями, знакомства с их "нравами и обычаями", приобретения необходимой литературы.⁷

Работа студентов была столь продуктивной, а их желание полнее изучить Восток столь огромным, что уже в январе 1833 г. они начали добиваться разрешения на поездку в Сирию, Египет и Тебриз. В официальном прошении они подчеркивали, что в Турции не смогут успешно овладеть арабской и персидской словесностями, поскольку здесь нет людей, "знающих ученым образом сии две отрасли восточной литературы", а также не смогут получить информацию об этих народах, их языках и особенностях жизни. А.П.Бутенев поддержал их просьбу, но поездку пришлось отложить "по причине смутных обстоятельств в том крае".⁸

Только в конце марта 1834 г. А.Н.Гусев и А.О.Мухлинский покинули Константинополь и отправились "сухим путем чрез Малую Азию и Сирию" в Александрию - "на попечение генерального консула в Египте Дюгамеля".⁹

Во время поездки А.Н.Гусев подробно описывал все, что особенно привлекало его внимание. Эти путевые заметки легли в основу отчета, который он послал 25 сентября 1834 г. названному выше А.П.Бутеневу. Последний, чтобы привлечь внимание официальных лиц к способному специалисту, сделал с этого документа две копии и послал их в Министерство иностранных дел¹⁰ и в МНП. Министр народного просвещения в 1833-1849 гг. С.С.Уваров, оценив наблюдательность молодого автора и учитывая интерес общественности к современному Востоку, передал копию отчета А.Н.Гусева в редакцию журнала своего ведомства. Материал напечатали в февральской книжке, и это была единственная публикация А.Н.Гусева.¹¹

Путешествие, описанное в отчете, продолжалось с 28 марта по /27/ июля 1834 г. Его маршрут был таков: Модания-Брусса-Смирна-Внутренняя Анатолия-Кония (6 мая)-Адана-Алеппо (25 мая)-Латакия (9 июня)-Яффа (25 июня)-Триполи-Иерусалим-Александрия. Большая часть пути пролегла по областям с турецким населением. В Сирии удалось посетить только побережье моря, так как внутри страны начались волнения против правительства Ибрагима-Паши.

Путевые заметки А.Н.Гусева сохраняют научное значение и в настоящее время прежде всего потому, что содержат принадлежащие перу очевидца описания исторических фактов, городов, селений, древних развалин, природы, картин быта. Ценность этого материала также и в том, что автор его был вполне сложившимся специалистом, способным анализировать, сопоставлять, оценивать виденное. Он умышленно не касался описанных ранее в литературе "древностей", акцентировал внимание на неизвестных исследователям археологических памятниках, упоминая "для будущих русских путешественников" и те, о которых ему рассказывали жители, но которые ему самому увидеть не удалось. Он пытался датировать "развалины", сравнивать прошлое и настоящее обозреваемых им мест, связывать традиционный образ жизни восточных народов с их "нынешним образом мыслей", отмечал контрасты и особенности современного ему Востока. Читатель несомненно отметит литературный талант автора, образность и эмоциональность его языка.

Путешествие закончилось в Александрии, но отчет А.Н.Гусева, датированный 25 сентября 1834 г., был написан в Каире. Это объясняется тем, что попав в конце июля в Александрию, путешественники обнаружили, что здесь "все и все говорят по-итальянски; к тому же присоединяется совершенный недостаток в книгах и учителях для арабского языка".¹² Поэтому они по разрешению Дюгамеля переехали в Каир, где находились с августа 1834 г. по май 1835 г. В этом городе А.Н.Гусев "ревностно принялся за арабский язык под руководством одного из лучших каирских учителей, и большую часть времени проводил в чтении трудных рукописей и в беседе с арабами и турками, для практических упражнений в этих языках".¹³

Весной 1835 г. срок стажировки закончился. А.О.Мухлинский возвратился в Россию в начале мая. А.Н.Гусев просил продлить его командировку еще на год, но ответа не дождался. Как сообщалось в официальном донесении, он "сделался жертвою чумы, которая свирепствовала с необыкновенною силою в нынешнем году в Египте".¹⁴ Дюгамель поместил больного у себя дома и поручил его заботам своего врача, но 23 мая А.Н.Гусев скончался и был похоронен в Каире.

Его вещи, в том числе "книги и рукопися" были проданы "с публичного торга", а вырученная сумма за вычетом расходов, связанных с его болезнью и смертью, в конце июля была отправлена в Россию единственной наследнице тетке Елизавете Александровне Шмит.¹⁵

В настоящее время неизвестно, что стало с его архивом, к кому попали его библиотека и рукописные материалы, каково было направление его научных исследований в период пребывания на Востоке. Дальнейшие розыскания в архивах среди бумаг А.О.Мухлинского, Н.Коноплева, П.С.Савельева и других востоковедов того периода возможно ответят на эти вопросы.

В приведенных документах и литературе сохранилось единодушное мнение о А.Н.Гусеве как о многообещающем ученом, обладавшем, с одной стороны "природными отличными дарованиями", а с другой стороны, - "необыкновенным прилежанием и жаждой познания". Современники отмечали у него высокий уровень владения восточными языками, глубокий интерес к восточным источникам и большие способности к научной и дипломатической службе. Он прожил всего 24 года, но своей самоотверженной работой сумел заслужить, чтобы имя его не было забыто в истории науки.

-
1. Н.Коноплев. Некрология. - "Московские ведомости". 25 декабря 1835 г. № 103, с. 5160; П.Савельев. Воспоминание о Гусеве. - "Санктпетербургские ведомости". 22 февраля 1836 г., № 42, с. 173-174; В.В.Григорьев. Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. Историческая записка. СПб., 1870, с. 105, прим. 208; Первое двадцатипятилетие Императорского Санкт-Петербургского университета. Историческая записка, читанная ректором университета Петром Плетневым на публичном торжественном акте 8 февраля 1844 г. СПб., 1844, с. 92; И.Ю.Крачковский. Очерки по истории русской арабистики. М.-Л., 1950, с. III; А.М.Куликова. Становление университетского востоковедения в Петербурге. М., 1982, с. 68-69.
 2. Савельев. Указ.соч., с. 173.
 3. Куликова. Указ.соч., с. 68, 71, 73 и др.
 4. Крачковский. Указ.соч., с. III.
 5. ЛГИА, ф. 139, оп. I, ед.хр. 4656; Центральный государственный исторический архив г.Москвы, ф. 459, оп. I, ед.хр. 4138, л.5-6, 12-13.
 6. АВПР, ф. Учебное отделение восточных языков, ед.хр. III, л.14, 15, 19, 19 об., 21, 23, 33.

7. АВПР, ед.хр. III, л. 27, 28, 37, 38.
8. Там же, л. 61, 62, 65.
9. Там же, л. 101-103.
10. Рукопись копии см. АВПР, ед.хр. III, л. 125-143.
11. Отрывок из письма путешествующего воспитанника Профессорского института, кандидата Гусева, к российскому послу при Константинопольском дворе Бутеневу, из Каира, от 25 сентября 1834 года. - ЖМНП. 1835, ч. 5, отд.6, с. 393-409.
12. АВПР, ед.хр. III, л. 142 об.
13. Савельев. Указ. соч., с. 174.
14. АВПР, ед.хр. III, л. 144-144 об.; ЛГИА, ф. 14, оп. 1, ед.хр. 4161, л. 1.
15. АВПР, ед.хр. III, л. 149-149об.